

В И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Первая книжка *Vierteljahrshefte für Truppenführung* за текущей годъ начинается именемъ графа Мольтке. Его внимательные преемники извлекли изъ военной переписки фельдмаршала его сужденія о различныхъ вопросахъ и явленіяхъ государственной и общественной жизни и сгруппировали ихъ подъ двумя заголовками: 1) *Полководецъ и государственный человекъ* и 2) *Полководецъ и философъ*. Это мысли Мольтке о самыхъ разнообразныхъ сюжетахъ въ формѣ краткихъ, сжатыхъ афоризмовъ. Онѣ не блещутъ оригинальностью, иногда, пожалуй, наивны, но чувствуется полная искренность, глубокая продуманность, огромный личный опытъ, сквозь который процѣжены его взгляды, и высокій идеализмъ души, ихъ взлелѣявшій.

Вотъ на примѣръ мнѣніе Мольтке о частной [перепискѣ: периодическій обмѣнъ письмами можетъ удовлетворять обѣ стороны лишь въ томъ случаѣ, если прежде, чѣмъ приняться за отвѣтъ, будетъ еще разъ прочтено письмо, на которое нужно отвѣчать. Дѣло не въ однихъ только вопросахъ, которые требуютъ отвѣта, а именно во всѣхъ подробностяхъ содержанія письма, которыя нужно принять во вниманіе. Въ противномъ случаѣ обмѣнъ письмами все будетъ становиться суше, связь взаимныхъ отношеній черезъ подобныя письма постепенно вывѣтривается, и незамѣтно переписка сводится къ сообщенію только важнаго. Между тѣмъ въ жизни это важное встрѣчается рѣдко и его мало. Повседневныя мелочи жизни напротивъ переполняютъ ее изъ часа въ часъ, изъ дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и въ концѣ концовъ даютъ жизни нашей то, что мы зовемъ счастьемъ или несчастьемъ. Непосредственные разговоры имѣютъ то преимущество передъ перепиской, что они касаются всего одинаково

и не выискиваютъ серьезныхъ темъ, какъ часто бываетъ это въ письмахъ.

О бракѣ. «По моему глубокому убѣжденію», говоритъ Мольтке, «всякій бракъ есть рискъ, которому мы слѣпо отдаемся, потому что узнать и опредѣлить того, ради кого мы отказываемся отъ свободы, не менѣе трудно, чѣмъ познать самого себя; бракъ же въ одинаковой мѣрѣ зависитъ отъ обоихъ, въ него вступающихъ. Если мы призовемъ на помощь холодный разумокъ, то онъ намъ подскажетъ, что только весьма немногимъ людямъ удалось въ жизни найти идеалъ, который каждый себѣ создалъ; но еще меньшему числу людей удалось избѣгнуть горестнаго отрезвленія отъ своихъ грѣзъ, которыя конечно составляютъ высшее счастье на землѣ. Гдѣ чувства напряжены до крайняго предѣла, тамъ каждый недостатокъ и всякое несовершенство въ предметѣ своего чувства поражаютъ рѣзкимъ диссонансомъ, и чѣмъ выше ожиданіе, тѣмъ тяжелѣе разочарованіе. Этимъ прозаическимъ взглядомъ нужно объяснить, почему супружества по разуму—*matriages de raison*—вообще счастливѣе браковъ по сердечному влеченію»... «Словомъ, я полагаю», говоритъ Мольтке, «мечтательная любовь молодости и семейное счастье вовсе взаимно не обуславливаются, и тамъ, гдѣ нѣтъ взаимнаго отвращенія и реальной негодности (*Schlechtigkeit*) другъ для друга, можетъ возникнуть длительная, глубокая, озаренная счастьемъ привязанность».

О счастьѣ въ жизни вообще Мольтке отзывается такъ: «Какъ извѣстно, менѣе всего замѣтно время, когда проводишь его въ развлеченіяхъ. Но развѣ удовольствіе есть уже счастье? Какъ многіе среди этихъ танцующихъ въ свѣтѣ людей, которые долгой работой самообладанія добились вѣчной улыбки на своемъ лицѣ, внутренне страдаютъ отъ терновыхъ иголъ, встрѣченныхъ ими на своемъ пути. Запратанное горе—самое колючее, самое тяжкое. На свѣтѣ конечно существуютъ большіе соблазны и наслажденія, но также и горчайшіе обманы и страданія. И, въ концѣ концовъ, трудъ, упованіе и здоровье являются главнѣйшими основами для удовлетворенности своимъ земнымъ бытіемъ».

Звѣзда своего счастья для каждаго пребываетъ внутри себя и каждый счастливъ постольку, поскольку онъ того заслуживаетъ. «Чѣмъ долѣе я живу на свѣтѣ», говоритъ Мольтке, «тѣмъ больше я познаю, что уже въ этой жизни, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, для каждаго наступать возмездіе за все доброе и дурное, имъ здѣсь содѣянное».

По поводу важности житейскихъ обязанностей нѣмецкій полководецъ говоритъ, что не блескъ успѣха опредѣляетъ цѣнность прожитой жизни, а чистота побужденій, руководившихъ человѣкомъ при достиженіи своихъ жизненныхъ стремленій, и пастойчивость въ

исполненіи своего долга даже въ томъ случаѣ, когда послѣдствія этого и не имѣли видимыхъ результатовъ.

«Я выполнилъ честно свой долгъ въ 1866 г. соотвѣтственно моему положенію, какъ поступили и всѣ мои соучастники, и болѣе — ничего. Промыслъ Божій вознесъ пруссакаго орла въ побѣдныя выси. Мужество нашихъ армій, предусмотрительность нашихъ вождей, равно какъ и мои планы, были только послѣдствіемъ Его воли».

«Что остается намъ послѣ столькихъ успѣховъ еще увидѣть, что стоитъ еще пережить? Что можетъ вызвать въ насъ еще радость бытія?» спросилъ Бисмаркъ послѣ войны 1870—71 года начальника генеральнаго штаба и военного министра въ той самой комнатѣ, въ которой они всѣ втроемъ совѣщались непосредственно передъ походомъ. — «Увидѣть выросшимъ посаженное дерево», былъ отвѣтъ графа Мольтке.

«Меланхолическими соображеніями» заканчиваются философскія размышленія Мольтке. Душа человѣка — трудно разрѣшимая загадка для близкихъ ему людей, тѣмъ болѣе конечно — для постороннихъ. Во всякомъ случаѣ не то важно, чѣмъ начинаютъ дѣтей въ школахъ, а то, какъ воспитано ихъ сердце. Изъ всѣхъ человѣческихъ благодѣяній наиболѣе важное и навсегда остающееся есть материнское воспитаніе; на этой основѣ создается весь характеръ и все хорошее, что есть въ человѣкѣ.

«Когда я позже былъ далекъ отъ матери, я въ общемъ болѣе никакого воспитанія не видѣлъ, а лишь одни палки (Prügel). И характеръ мой не могъ правильно развиваться. Это чувствовалъ я часто съ большою скорбью. Недостатокъ, вслѣдствіе этого, выдержки въ самомъ себѣ, постоянная чувствительность къ мнѣніямъ другихъ, постоянное преобладаніе разсудка, причиняли мнѣ часто нравственный гнетъ (Katzenjammer) какъ разъ по причинамъ противоположнымъ, чѣмъ у другихъ. Обыкновенно стремятся стирать каждый рѣзко выдающійся штрихъ характера, какъ стараются тонко обтесать всякій торчащій въ деревянной постройкѣ сукъ; такъ прививается несчастное свойство характера — слабыхарактерность.

Конечно дружелюбіе къ людямъ должно быть первымъ житейскимъ правиломъ, которое можетъ избавить насъ отъ многихъ неприятностей и внушить намъ, по отношенію къ тѣмъ, кто намъ не нравится, быть привѣтливыми безъ фальши и двуличія. Истинная вѣжливость и тонкое свѣтское обращеніе составляютъ врожденные черты благороднаго сердца. Мое дурное воспитаніе и юность полная лишеній часто притупляли во мнѣ чувство дружелюбія и принижали еще чаще выраженія его и помню даже въ качествѣ жениха я представлялся съ той дѣланной высокоумѣнной вѣжливостью, которая рѣдко кого расположить къ себѣ.

Между тѣмъ такъ легко людей къ себѣ приручить; такъ какъ въ общественной жизни вовсе не требуется говорить для этого обязательно остроумныя вещи, а, по возможности, только привѣтливо. Жеманность и лживость немедленно надоѣдаютъ, лишь правдивость можетъ вызвать интересъ. Дѣйствительная скромность и вѣжливость являются истинной защитой противъ обидъ и пренебрежительнаго отношенія въ свѣтѣ, такъ какъ при этихъ свойствахъ недопустимы тупость ума и личное ничтожество. Если мы ничѣмъ инымъ казаться не желаемъ, какъ самими собою, не хотимъ узурпировать никакого иного положенія, какъ только дѣйствительно намъ принадлежащаго, то можемъ не теряться отъ того, что у насъ нѣтъ высокаго положенія или происхожденія, богатства или блеска. Кто однако въ себѣ самомъ не находитъ достоинства, а долженъ его искать во мнѣннн о себѣ другихъ, тотъ въ глазахъ людей кажется тѣмъ же, кто носить фальшивые волосы, смотрится въ каждое зеркало, не сдвинулось ли у него что-либо.

На счастье намъ людямъ, въ памяти нашей остаются воспоминанія лишь о крупномъ въ жизни, подобно тому, какъ картина запечатлѣваетъ только поэзію дѣйствительности. Воспоминанія — это взглядъ на далекій ландшафтъ, по которому мы прошли и надъ которымъ спускается волшебный туманъ. Мы видимъ еще ясно тѣ долины, по которымъ мы проходили, но уже нѣтъ тѣхъ крутыхъ спусковъ, что къ нимъ вели, нѣтъ тѣхъ колючекъ, на которыя мы наткнулись при спускахъ. Такъ уничтожаетъ внимательная къ намъ природа благодѣтельной рукой тѣ слѣды, что тщетно стремились въ насъ запечатлѣть ненависть и вражда людскія. Душа человѣка уподобляется тростнику, склонившемуся отъ силы потока и прижатому къ землѣ такъ, что онъ не можетъ вновь подняться. «И если бы истинно было вѣрованіе индусовъ о блужданіи душъ, то, по крайней мѣрѣ, я вновь бы не родился человѣкомъ, такъ какъ, въ сущности, вся человѣческая жизнь сплошное разочарованіе». Этими словами заканчиваетъ Мольтке свое пессимистическое міровоззрѣніе.

Будучи совсѣмъ невысокаго происхожденія, Мольтке къ концу своей жизни занялъ первое мѣсто въ государствѣ, какъ одинъ изъ трехъ, коимъ германская имперія обязана своимъ восстановленіемъ. Приведенныя выдержки изъ его сокровенныхъ мыслей лучше всякой біографіи характеризуютъ его и, конечно, поучительны далеко за предѣлами его отечества. За свою долгую и богатую содержаніемъ жизнь фельдмаршалъ позналъ и истинную цѣнность жизни и основной фонъ, на которомъ она разыгрывается — людскія отношенія. Его рецепты стоитъ запомнить, и для пытливаго читателя это богатое поприще для размышленій. Не даромъ онъ былъ «великимъ молчалиникомъ»: подъ покровомъ такой внѣшности онъ скрывалъ не

только умъ первокласснаго стратега, но и сердце философа, весьма чувствительное къ окружающей жизни.

Полковникъ *Wenninger* продолжаетъ, въ томъ же журналѣ, свое изслѣдованіе «о зарожденіи рѣшенія у полководца» (см. обзоръ иностранныхъ журналовъ въ «Военномъ Сборникѣ» за декабрь 1911 г., стр. 193—197). Онъ подробно разсматриваетъ, какъ назрѣвали полководческія рѣшенія въ Богемскій походъ 1866 года. Авторъ воспользовался въ изобиліи имѣющимся у нѣмцевъ матеріаломъ «полуофициальнаго и частнаго» характера относительно этой кампаніи и на немъ основываетъ свою работу по выясненію всѣхъ обстоятельствъ, приведшихъ къ Кениггрецу. Онъ жалуется, однако, на недостатокъ австрійскихъ источниковъ.

«На войнѣ событія развиваются не всегда послѣдовательно, логически, но часто скачками, самовольно». Эти слова Гольца, по мнѣнію автора, особенно примѣнимы къ походу, который закончился Кениггрецомъ.

Уже развертываніе прусскихъ армій къ началу войны произошло помимо желанія и воли главнокомандующаго. Раздѣльное движеніе армій явилось вынужденнымъ послѣдствіемъ растянутаго исходнаго положенія. Наполеонъ, вѣроятно, говоритъ *Wenninger*, напечаталъ бы для общаго свѣдѣнія въ бюллетенѣ, что таковъ былъ заранѣе обдуманнй планъ дѣйствій. Мольтке же называетъ его только естественнымъ послѣдствіемъ фатальнаго первоначальнаго сосредоточенія.

Первые дни маршъ-маневръ прусскихъ армій выполняется подъ гнетомъ заботы, какъ бы не удалось непріятелю воспользоваться своимъ внутреннимъ положеніемъ и—разбить какую-либо прусскую группу раньше, чѣмъ другая поспѣетъ къ ней на помощь. Въ цѣляхъ устраненія этого, высшимъ командованіемъ предпринимается цѣлый рядъ разрозненныхъ мѣропріятій, которыя нагакиваются на противодѣйствія часто личнаго характера.

Но счастье помогаетъ нѣмцамъ. Послѣ нѣсколькихъ встрѣчныхъ боевъ, когда еще между внутренними флангами разьединенныхъ армій остается разстояніе суточного перехода, вновь возникаетъ опасность: вторая армія останавливается передъ несомнѣнно численно превосходящимъ врагомъ, и она удерживается—изъ предосторожности.

Однако непріятель не пользуется послѣднимъ часомъ, отходить назадъ, соприкосновеніе потеряно, а вторая армія тѣмъ не менѣе прочно стоитъ, на этотъ разъ, чтобы уберечь себя отъ бесполезныхъ движеній въ виду невыясненной обстановки.

Гдѣ врагъ? Вопросъ остается открытымъ въ теченіе 48 часовъ.

Все клокочетъ у Мольтке. Именно теперь, когда ничто не мѣшаетъ соединенію армій *передъ* рѣшительнымъ сраженіемъ, какъ того требовали образцы военного искусства.

Но молчаливый геній находитъ, что незначительное, въ пространствѣ, раздѣленіе армій и такое ихъ взаимное положеніе, что фронты ихъ послѣ короткаго марша прямо передъ собою соприкоснутся другъ съ другомъ подъ прямымъ угломъ, будетъ наивыгоднѣйшимъ для всевозможныхъ случаевъ и особенно на случай самый мало-вѣроятный, на который нельзя было рассчитывать, а именно, что непріятель стоитъ въ срединѣ между готовыми къ бою арміями и *останется такъ стоять*.

Однако именно такой случай и произошелъ. Мольтке узнаетъ объ этомъ счастливомъ событіи послѣднимъ и въ послѣдній часъ. Его послѣднее рѣшеніе легко: онъ называетъ его самъ радостнымъ избавленіемъ отъ «мучительныхъ сомнѣній».

Авторъ очень интересно, шагъ за шагомъ, слѣдуетъ за всѣми душевными переживаниями Мольтке въ часы, предшествовавшіе отдачѣ королевскаго приказа 2-го іюля, и подробно рисуетъ обстановку заключительныхъ актовъ творчества Мольтке въ главныхъ квартирахъ прусскихъ армій—въ Каменицѣ, Тичинѣ и Кенигинхофѣ, по полученіи тамъ означеннаго приказа.

Въ томъ же журналѣ генералъ *Falkenhause*n даетъ очеркъ дѣятельности извѣстнаго прусскаго полководца, генерала *Гебена*, командовавшаго одной изъ армій во вторую половину войны 1870—71 года.

Контръ-адмиралъ *Glatzel* пишетъ *объ ознакомленіи сухопутнаго офицера съ условіями веденія морской войны*.

Тамъ же, статья маіора *Buddecke*: *О библиотекѣ большого генеральнаго штаба въ Берлинѣ*, образованіе которой тѣсно связано съ исторіей прусской арміи и ея генеральнаго штаба.

Статья «*Новые тактическіе взгляды во французской арміи и ихъ значеніе*» вызвана новѣйшими теченіями французской военной мысли и, въ частности, извѣстными сообщеніями полковника *Grandmaison*'а, о чемъ уже неоднократно упоминалось въ нашей военной печати.

Тамъ же, продолженіе статьи подполковника *Zimmerman*'а о *милліонныхъ арміяхъ* (см. «обзоръ» за минувшій декабрь, стр. 198). На этотъ разъ авторъ изслѣдуетъ дѣйствія французскихъ революціонныхъ войскъ 1791—1794 годовъ.

Статья капитана *Deutelmöser*: «*Внезапность, какъ средство къ побѣдѣ*».

Журналъ заканчивается короткой замѣткой «*о мнѣніи японцевъ относительно боя за полевья укрѣпленныя позиціи*».

Въ январьскихъ выпускахъ *«Journal des Sciences Militaires»* продолжается обширное изслѣдованіе майора *Dupuis «о свободѣ дней-стѣй главнокомандующаго»* (см. «обзоры»: за май 1911 г., 208—209; июль, 201—206; ноябрь, 199—200; декабрь, 200—204). Авторъ разбираетъ руководство военными операціями со стороны правительства національной обороны въ 1870—71 году. Характеризуя непригодность Бурбаки для командованія 1-й Луарской арміей, авторъ такъ, между прочимъ, оцѣниваетъ соотвѣтствіе полководца своему назначенію:

Война есть явленіе, дышащее ненавистью и жестокостью, и чтобы вести ее, какъ слѣдуетъ, нужно быть преисполненнымъ духомъ разрушенія. Это требуетъ отъ полководца непреклонной воли добиться успѣха, презирая рискомъ своего положенія, что всегда грозитъ руководителю сраженіемъ, какъ кровавымъ предпріятіемъ. Вотъ почему *Пелисье и Грантъ своимъ упорствомъ и душевной крѣпостью* могли торжествовать, не обнаруживая крупнаго военнаго искусства.

Искусство стратега, также какъ и игрока, вытекаетъ изъ его умѣнья приспособиться къ условіямъ борьбы. Можно побѣдить, не обладая талантомъ, какъ можно выиграть въ карты, играя очень дурно, но имѣя въ рукахъ всѣ козыри, въ то время, какъ у партнера останутся ничтожныя карты. Вотъ почему кампаніи 1796—1814 гг. явились лучшимъ доказательствомъ геніальности Наполеона I, такъ какъ онъ выигрывалъ партіи, имѣя въ своихъ рукахъ средства борьбы, непропорціонально лучшія сравнительно со своими противниками.

Однако «приспособиться къ условіямъ борьбы» не то же ли самое, что повелѣвать обстановкой! А кто создавалъ эту самую непропорціональность, какъ не тотъ же Наполеонъ? Авторъ, повидимому, не замѣчаетъ, въ какое противорѣчіе впадаетъ онъ съ самимъ собою, низводя достиженіе успѣха до слѣпнаго случая.

Въ декабрьской книжкѣ *«Revue militaire générale»* продолжается военно-историческій этюдъ о *«Наполеонъ на войнѣ»* подполковника *Vachée* (см. «обзоръ» за ноябрь 1911 г., стр. 206—209, и за январь сего года, стр. 169—174). Прежде чѣмъ прослѣдить процессъ управленія войсками на войнѣ Наполеономъ, авторъ даетъ характеристику той обстановки, среди которой Наполеонъ жилъ во время походовъ. Кто были его приближенные люди, въ эпоху наибольшей военной славы, въ 1805—1809 года?

Главная императорская квартира состояла изъ двухъ самостоятельныхъ органовъ: военнаго кабинета или дома (*la maison militaire*) императора и собственно главной квартиры. Послѣдняя въ свою очередь раздѣлялась на главную квартиру генеральнаго штаба

и главнаго интенданта. Военный «домъ» состоялъ изъ чиновъ непосредственной свиты Наполеона, генераловъ, адъютантовъ, офицеровъ-ординарцевъ, секретарей и чиновниковъ двора. 21-го декабря 1806 г. составъ его исчислялся цифрой въ 800 человекъ.

Среди всего этого состава наиболѣе близкими къ Наполеону были: Бертье, одновременно—вице-коннетабль, оберъ-егермейстеръ, военный министр и начальникъ штаба великой арміи; Дюрокъ—оберъ-гофмаршалъ двора и Колэнкуръ—оберъ-шталмейстеръ.

О Бертье уже упоминалось (см. «обзоръ» за январь). Бертье маленькій, толстый, всегда смѣющийся, постоянно въ дѣлахъ и въ то же время влюбленный въ M-me Visconti ¹⁾, такъ говорить о немъ Дээз. Герцогиня d'Abrantés еще менѣе льститъ ему: Бертье былъ маленькій, плохо сложенный; голова у него была слишкомъ велика для его роста, съ курчавыми волосами, ни свѣтлыми, ни темными. Очень некрасивыя руки, причемъ съ постоянно обкусанными ногтями, такъ что пальцы его были всегда въ крови. Къ этому нужно добавить, что онъ при разговорѣ постоянно бормоталъ и не только гримасничалъ, но продѣлывалъ такія особенныя движенія лицомъ, что, конечно, представлялся забавнымъ всѣмъ тѣмъ, кто не проникался непосредственно чувствомъ благоговѣнія передъ его заслугами. Выговоръ у него былъ гнусавый, при разговорѣ онъ имѣлъ обыкновеніе держать руки въ карманахъ или ковырять въ носу—«un doigt fourré dans le nez».

Бертье старался подражать своему повелителю въ выборѣ шляпы—маленькой и простой, которую онъ носилъ на манеръ Наполеона. Иногда его принимали издали за императора, на котораго онъ походилъ нѣсколько по фигурѣ, когда сидѣлъ въ экипажѣ. Всегда очень живой, онъ хорошо и много ѣздилъ верхомъ. Страстный охотникъ и въ такой мѣрѣ, что если надъ головой его пролетала даже старая ворона, онъ выпускалъ изъ рукъ поводья, даже на галопѣ, и хотя примѣрно старался пальнуть по ней.

Кромѣ означенныхъ трехъ главныхъ персонажей, при императорѣ состояло нѣсколько генераловъ безъ опредѣленныхъ функций, но для временныхъ порученій. Изъ нихъ въ эпоху около 1806 года выдѣлялся генераль Clarke, исполнявшій при Наполеонѣ обязанности секретаря его топографическаго кабинета. На немъ лежалъ трудъ веденія переписки, касавшейся военно-административныхъ вопросовъ, а также плановъ войны и всѣхъ иныхъ дѣлъ, довѣрявшихся ему

¹⁾ M-me Visconti жена Франческо Visconti—посланника цизальпинской республики въ Парижѣ; по словамъ Дээз, была крупная, красивая женщина. Всѣ современники отзывались о красотѣ ея фигуры и лица. Несмотря на то, что она открыто обманывала Бертье и что страсть его къ ней была предметомъ общихъ насмѣшекъ офицеровъ главной квартиры, онъ, тѣмъ не менѣе, ее любилъ до конца своихъ дней и въ 1814 г. завѣщалъ ей 40,000 ливровъ пожизненной ренты. Ее шутку называли—la bêtise de Berthier.

императоромъ. Старый начальникъ топографическаго отдѣла у Карно, человекъ пера въ такой же мѣрѣ, какъ и шпаги, искусный администраторъ, генералъ Кларкъ имѣлъ всѣ данныя быть прекраснымъ начальникомъ кабинета, но это мало удовлетворяло его. Онъ призванъ былъ къ болѣе широкой и самостоятельной дѣятельности. Не нужно забывать, что во время перваго итальянскаго похода Кларкъ былъ командированъ директоріей для контроля за Бонапартомъ. Но вмѣсто этого онъ искренне сошелся съ нимъ.

Адъютанты Наполеона были почти всѣ въ генеральскомъ чинѣ, избранные изъ самыхъ преданныхъ ему людей, всѣ извѣстные своею храбростью. Имъ давались серьезныя порученія, отвѣтственные рекогносцировки, черезъ нихъ передавались словесныя приказанія Наполеона командирамъ корпусовъ. Въ тѣ времена не было времени на посылку письменныхъ приказаній въ нѣлу боя на близкихъ дистанціяхъ, да и сама техника писанія не была еще въ должной мѣрѣ упрощена и всѣмъ привычна. Наполеонъ любилъ неожиданно вѣрять имъ на полѣ битвы опасное командованіе, которое позволило бы имъ выдвинуться въ первый рядъ храбрѣйшихъ.

Въ числѣ адъютантовъ императора въ 1806 году были—генералъ Лемаруа—«le beau Lemaigois», извѣстный Наполеону со времени Тулона; онъ былъ адъютантомъ перваго консула и, между прочимъ, скрѣпилъ, въ качествѣ свидѣтеля, брачный контрактъ его съ Жозефиной. Генералъ Бертранъ, поразившій своею храбростью Наполеона въ Египтѣ. Оба они были адъютантами Дезе подъ Маренго. Затѣмъ, Раппъ—слабохарактерный и достаточно ничтожный, нравившійся императору своими манерами героя-рыцаря. Савари—начальникъ жандармовъ, человекъ на всѣ руки, и дипломатъ, и солдатъ, и полицейскій, одной изъ обязанностей котораго было охранять личную безопасность императора.

Офицеры-ординарцы, адъютанты втораго ранга, въ чинѣ майора, капитана или лейтенанта, привлекались также къ исполненію порученій по службѣ генеральнаго штаба. Декретомъ 19-го сентября 1806 года ихъ штатъ былъ установленъ въ 12 человекъ. Въ выборѣ этихъ лицъ играли преобладающее значеніе рекомендація, протекція. Императоръ и Бертье часто назначали на эти должности изъ знатныхъ фамилій, утратившихъ значеніе при имперіи.

Для полноты описанія «дома» императора необходимо сказать нѣсколько словъ объ его личномъ кабинетѣ. Это былъ, по мнѣнію Наполеона, наиболѣе важный органъ изъ всѣхъ слѣдовавшихъ съ нимъ повсюду установленій. Это былъ его «инструментъ для работы»—son instrument de travail. Настоящее святилище его генія, гдѣ зарождались побѣды, имена которыхъ засіяли затѣмъ навсегда на страницахъ военной исторіи.

Составъ его былъ крайне ограниченъ и заключалъ въ себѣ личныхъ секретарей или секретарей портфеля и топографическій отдѣлъ. Два или три докладчика—гражданскіе чиновники, вовсе не свѣдущіе въ дѣлахъ войны, жили постоянно въ ближайшей интимной обстановкѣ этого исключительнаго человѣка, вулканической умъ котораго рождалъ тысячи различныхъ идей; они служили единственными нитями для передачи штабу арміи, министрамъ, всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ, распоряженій императора. На ихъ обязанности было быть при императорѣ и днемъ и ночью, всегда въ готовности немедленно явиться по его призыву, на лету схватывать все, что продиктуетъ императоръ, тщательно и точно это воспроизвести на бумагѣ и отослать по назначенію. Существованіе ихъ было совершенно монашеское, и они жили настолько уединенно, что, пробывъ четыре года во дворцѣ, ни разу не встрѣтились ни съ однимъ изъ камергеровъ, по замѣчанію самого Наполеона, написанному имъ на экземплярѣ мемуаровъ Fleury de Chabouton.

Наполеонъ не любилъ новыхъ лицъ, и его секретари были безсмѣнны, каждый въ теченіе извѣстнаго періода эпохи имперіи. Ихъ было трое: Bourrienne, Meneval и Fain.

До 1802 года Bourrienne былъ единственнымъ секретаремъ. Школьный товарищъ Наполеона по военному училищу, Bourrienne, по свидѣтельству самого императора, былъ не чистъ на руку. «Онъ способенъ былъ стащить шкатулку съ алмазами, поставленную на каминѣ...; когда я ему диктовалъ приказы, въ которыхъ говорилось о милліонахъ, его фигура преобразалась, онъ наслаждался. Этотъ несчастный былъ мнѣ полезенъ, у него былъ красивый почеркъ, онъ былъ дѣятеленъ, неутомимъ, былъ патриотъ, не любилъ Бурбоновъ, но онъ былъ совсѣмъ воръ—il était trop voleur». Онъ сталъ черезчуръ важнымъ, задавалъ вечера, сталъ играть въ перваго министра. И 20-го октября 1802 года, Наполеонъ, подъ предлогомъ его тайнаго соучастія въ торгахъ на военныя поставки, удалилъ его изъ кабинета. Онъ былъ замѣненъ Meneval'емъ, старымъ секретаремъ Иосифа Бонапарта. Meneval сдѣлалъ съ императоромъ всѣ походы съ 1802 по 1813 годъ. Истинный бенедиктинецъ, онъ былъ драгоценнымъ помощникомъ Наполеону регулярностью своей работы, скромностью при всякаго рода перепискѣ, и, тѣмъ не менѣе, на островѣ св. Елены, изстрадавшійся императоръ, по временамъ очень суровый къ своимъ сотрудникамъ, говорилъ, что Meneval былъ не болѣе какъ приказчикъ, едва знавшій ортографію.

Съ 1806 года его замѣнилъ Fain, сначала бывший въ качествѣ архиваріуса при Меневалѣ; онъ замѣнилъ послѣдняго послѣ войны 1812 года, когда Меневаль вернулся уставшимъ и больнымъ.

Въ топографическомъ отдѣлѣ кабинета Наполеона необходимымъ человѣкомъ былъ инженеръ-географъ Basler d'Albe, участвовавшій,

какъ офицеръ-чертежникъ, въ составѣ [штаба итальянской арміи въ 1796 году; онъ оставался директоромъ топографическаго отдѣла до 1813 года. Онъ исполнялъ обязанности по своей профессіи при императорѣ 17 лѣтъ, что свидѣтельствуетъ о его серьезной цѣнности. Его опытность и знанія по картографической части сдѣлали его необходимымъ императору. Наполеонъ выражался очень кратко; d'Albe понималъ его съ полслова и съ полной независимостью (качество очень рѣдкое въ императорской главной квартирѣ) исполнялъ порученную ему задачу. Наполеонъ призывалъ его чаще и невзначай, чѣмъ кого-либо изъ своихъ адъютантовъ. Онъ былъ послѣднимъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ видѣлся Наполеонъ передъ своимъ отъѣздомъ куда-нибудь и первымъ—по его прибытіи. «Позвать d'Albe'a» были первыми словами Наполеона, когда на походѣ ночью ему приносили интересную депешу.

Главная обязанность d'Albe'a заключалась въ исправленіи картъ, въ подготовкѣ картографическихъ матеріаловъ и въ нанесеніи на карты направленій маршей и операціонныхъ линій.

По прибытіи на ночлегъ d'Albe руководилъ размѣщеніемъ кабинета императора. Портфель съ бумагами и картами, два или три ящика краснаго дерева съ походной библіотекой, устанавливались въ кабинетѣ на столахъ или на доскахъ на козлахъ. Посреди комнаты разставляли большой столъ, на которомъ немедленно же раскладывалась самая лучшая карта театра войны. D'Albe поднималъ красками на картѣ рѣки, горы, дороги и границы. Карта клалась къ приходу Наполеона строго ориентированной и съ наколотыми значками для обозначенія расположенія войскъ своихъ и непріятельскихъ. Въ четырехъ углахъ комнаты ставились столы для секретарей.

Ночью карта окружалась двадцатью свѣчами. По полученіи новой депеши, d'Albe дѣлалъ по картѣ докладъ, императоръ пальцемъ слѣдилъ по картѣ, измѣряя циркулемъ разстоянія, причемъ ножки циркуля были раздвинуты на величину одного перехода. Часто при этомъ императоръ долженъ былъ ложиться на столъ, чтобы рассмотреть какой-либо край карты, и d'Albe слѣдовалъ также его примѣру такъ, что оба касались другъ друга головами.

Никто другой, даже и Бертье, не участвовалъ настолько близко въ работѣ мысли Наполеона, какъ d'Albe. Онъ исполнялъ при немъ самыя серьезныя обязанности офицера генеральнаго штаба, готовя дѣйствительнымъ образомъ назрѣвавшія рѣшенія полководца. Очень жалко, что Basler d'Albe не велъ мемуаровъ, которые намъ позволили бы слѣдовать за эволюціей мысли Наполеона въ рѣшительные періоды его кампаній.

Матеріаломъ для нанесенія всѣхъ нужныхъ обозначеній на карту служили свѣдѣнія, ежедневно представлявшіяся Наполеону. О расположеніи частей французской арміи, обработанномъ въ отдѣленіяхъ

штаба арміи, представлялъ императору Бертъе. Свѣдѣнія о непріятелѣ докладывались начальникомъ статистическаго бюро. Въ періоды мира у императора была справочная книжка объ иностранныхъ арміяхъ, заключающая въ себѣ подробныя данныя о нихъ, собранныя черезъ посольства и агентурнымъ порядкомъ...

Въ той же книжкѣ напечатанъ полностью отчетъ о большихъ французскихъ маневрахъ 1911 года руководителя таковыми, генерала Шомеръ. Короткая выдержка изъ этого отчета уже была напечатана въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 17-го января сего года.

Тамъ же статья капитана *Andriot о формѣ движенія атакующей пѣхоты*. Авторъ пишетъ по поводу наступленія пѣхоты путемъ *накапливанія*—*par infiltration*.

Использованіе мѣстности является для пѣхоты руководящимъ началомъ при веденіи боя. Насколько только можно долго пѣхотныя части должны пользоваться складками поверхности земли, чтобы, укрываясь ими, продвигаться впередъ. Но, попавъ въ полосу огня, приходится рѣшать вопросъ, какъ преодолѣть участки, совершенно открытые, которыми раздѣляются одинъ отъ другого встречающіеся въ районѣ наступленія мѣстные предметы? На артилерійскихъ дистанціяхъ, при началѣ боя, когда могутъ обнаружиться новыя непріятельскія батареи, пѣхотѣ слѣдуетъ дѣйствовать съ полной осторожностью. Нечего опасаться способовъ даже самыхъ медленныхъ, если только они надежны, и разбрасываться самыми мелкими частями можно безъ колебанія—въ увѣренности, что ихъ нравственное состояніе не подвержено пока никакому риску. Вотъ въ этотъ первоначальный фазисъ, когда пѣхота только *приближается*, вполне естественно и выгодно пользоваться наступленіемъ путемъ *накапливанія*. Но однако не надо думать, что это обычный порядокъ наступленія въ этотъ фазисъ боя. Какъ только прекратится надобность скрывать свое движеніе, когда, вмѣсто этого, возникнетъ необходимость спѣшить впередъ—необходимость большая, нежели укрываться во чтобы то ни стало, и если въ то же время наша собственная артилерія могущественна и готова мгновенно поддержать пѣхоту—нельзя придерживаться способа *накапливанія*.

Наступаетъ второй періодъ наступленія. Пѣхота уже не *сближается* только, а *атакуетъ*. Здѣсь первая забота каждаго начальника—толкать движеніе, насколько возможно, впередъ, поддерживая шахиншад мужества и сплоченности среди своихъ подчиненныхъ. Мѣстностью, конечно, пользоваться нужно и теперь, но въ очень узкихъ предѣлахъ—только въ той полосѣ, что лежитъ прямо на пути передъ собою для движенія къ цѣли атаки. Всего 1,200—1000 метровъ

до непріятели. Можно ли въ этотъ періодъ примѣнять модный способъ наступленія *накапливаніемъ* или *просачиваніемъ*? Заключаетъ ли онъ въ себѣ столь нужные здѣсь энергію, порывъ, разжигаетъ ли онъ духъ пѣхоты, наступающей впередъ для удара, въ концѣ концовъ, въ штыки? Способенъ ли онъ вліять на психику непріятели? Годится ли онъ, наконецъ, принимая въ расчетъ плохо обученныхъ резервистовъ, которыми будутъ на половину разбавлены кадры пѣхоты?

Авторъ приходитъ къ категорическому отрицанію этого вида наступленія. Накапливаніе разстраиваетъ движеніе, распыляя тактическія единицы, и влѣдствіе крайней медленности подкашиваетъ моральное настроеніе атакующаго.

Авторъ далѣе самымъ подробнымъ образомъ разбираетъ непримѣнимость атаки путемъ накапливанія для французскаго солдата, который не любитъ драться въ одиночку; онъ имѣетъ потребность осязательно чувствовать своихъ товарищей; онъ предпочитаетъ «драться въ кампаніи» — *combattre en société*, и самолюбіе является для него двигателемъ по преимуществу.

Главнымъ аргументомъ противъ наступленія по-одиночкѣ авторъ ставитъ медленность производства его, тогда какъ *крайняя быстрота движенія впередъ* есть обязательное условіе наступленія. Онъ иллюстрируетъ это положеніе примѣромъ изъ манчжурской войны — эпизодомъ блестящей атаки бригады Окасаки, 1-й арміи, сопки съ кумирней 11-го октября 1904 г., заимствовавъ описаніе его изъ книги Гамильтона.

Въ январскомъ выпускѣ *Bulletin de la presse et de la bibliographie militaires*, издаваемомъ при бельгійскомъ военномъ министерствѣ, напечатано начало, повидимому, весьма интереснаго изслѣдованія: «*Пасифизмъ и война*». Пока появилось только введеніе къ этому труду, въ которомъ неизвѣстный авторъ разсматриваетъ сущность стремленій пасифистовъ и антимиитаристовъ.

Не взирая на самыя наглядныя доказательства торжества права сильнаго въ наши дни, какъ присоединеніе Босніи и Герцоговины, нападеніе Италіи на Триполи, мароккскій вопросъ, пасифисты отнюдь не желаютъ покладать оружіе, и еще очень недавно, уже послѣ объявленія Итало-турецкой войны, центральный комитетъ мира въ Бернѣ опубликовалъ цѣлую серію трудовъ противъ войны вообще. Эта пропаганда всеобщаго мира вызываетъ, въ свою очередь, всѣскія возраженія со стороны противниковъ осуществимости идеи постоянного мира, и авторъ весьма искусно сопоставляетъ сужденія обѣихъ сторонъ.

По мнѣнію *Roland de Marès* — извѣстнаго защитника мирныхъ доктринъ, самыя великодушныя теоріи не въ состояніи что-либо сдѣлать противъ неизбежной необходимости для народовъ развивать

свои производительныя способности, унаслѣдованныя ими отъ предыдущихъ поколѣній. Ни одна нація не пожертвуетъ запасами своей энергіи, не пожертвуетъ своимъ будущимъ, ради торжества высокой гуманной формулы, хотя бы она провозглашала царство мира не въ силу болѣе совершеннаго строенія человѣческихъ чувствъ, а вслѣдствіе болѣе здраваго обоснованія международныхъ интересовъ и болѣе лояльнаго примиренія національныхъ интересовъ...

Дѣло въ томъ, что позиціи, нынѣ занятыя крупными государствами, нельзя считать за окончательныя въ мірѣ и состязаніе международныхъ силъ далеко отъ спокойнаго теченія.

Мы живемъ въ эпоху осуществленія давнишнихъ желаній и, чтобы тамъ ни было, мы должны это познать до конца, прежде чѣмъ быть въ состояніи надѣяться на новое и продолжительное равновѣсіе. Англія осуществила свое привеллигированное положеніе въ Африкѣ, которое великолѣпно округляетъ эту обширную міровую имперію. Франція реализуетъ свое особое положеніе въ Марокко и утверждаетъ окончательно свою власть на всемъ сѣверо-западѣ Африки. Италія осуществляетъ свои старыя намѣренія насчетъ Триполи и такимъ образомъ скрѣпляетъ собою кругъ средиземныхъ державъ. Австро-Венгрія достигла, по крайней мѣрѣ частью, своихъ вождѣлннй присоединеніемъ Босніи и Герцеговины; ея положеніе въ Европѣ позволяетъ ей простирать свои руки только на востокъ. Японія осуществила свою надежду стать твердой ногой на континентъ Азіи присоединеніемъ Кореи и открытіемъ для себя входа въ Манчжурію. Россія, остановленная на Дальнемъ Востокѣ, нынѣ путемъ соглашенія съ Англіей намѣревается (?) вознаградить себя въ Персіи. Наконецъ Германія (великая Германія слишкомъ поздно достигла своего національнаго объединенія и нынѣ задыхается въ своихъ тѣсныхъ границахъ при невозможности въ Европѣ куда-нибудь раздвинуться) воплощаетъ свою мечту о колониальной имперіи, достаточно обширной для поглощенія чрезвычайныхъ запасовъ народной энергіи.

Все это осуществляется по логикѣ вещей, отвѣчая естественной необходимости расширенія. Несомнѣнно все это выполняется во вредъ и на счетъ правъ, принадлежащихъ другимъ государствамъ, причиняя явный ущербъ естественному праву каждой націи располагать свободно всѣми своими владѣніями и территориями. Но въ политикѣ имѣютъ значеніе лишь тѣ права, которыя могутъ быть защищены силою. Кипучая энергія сильныхъ современныхъ государствъ утверждается тамъ, гдѣ старыя энергіи, ослабленныя или изношенныя, не могутъ обезпечить надлежащаго использованія земель и натуральныхъ богатствъ. Исторія безконечно повторяется на протяженіи вѣковъ: народы восходящіе занимаютъ свое мѣсто подъ солнцемъ насчетъ отживающихъ народовъ.

До тѣхъ поръ, пока естественныя зоны міровыхъ вліяній не рас-предѣлятся окончательно, не можетъ быть международной устойчивости, и мы будемъ жить въ ожиданіи неминуемой катастрофы.

Эпоха реализацій, которая порождаетъ такое глубокое заблужденіе пасифистовъ, только что началась. Кто знаетъ, что насъ ожидаетъ, въ этомъ порядкѣ идей, въ результатѣ переворота въ Поднёбесной Имперіи? Какія столкновенія интересовъ, какая борьба властолюбій явится послѣдствіемъ занятія окончательныхъ позицій въ Африкѣ? Наконецъ, какъ развернется предстоящая война между Германіей и Англійей за владычество на морѣ?

Генералъ фонъ-Бернгарди, въ своемъ послѣднемъ только что вышедшемъ трудѣ ²⁾, ясно указываетъ, къ чему ведетъ насъ эпоха «реализацій», съ нѣмецкой точки зрѣнія:

«Германія питаетъ нынѣ на пространствѣ, почти равномъ площади Франціи, 65 милліоновъ жителей, тогда какъ въ предѣлахъ послѣдней живетъ только 40 милліоновъ. Наше населеніе увеличивается ежегодно на одинъ милліонъ. Мы прижаты къ необходимости выбрасывать излишки нашего населенія въ колоніи; но если мы не хотимъ увеличивать могущество нашихъ соперниковъ толпами нашихъ эмигрантовъ, намъ необходимы новыя земли, которыя намъ нужно или отнять у нашихъ сосѣдей или приобрести по соглашенію съ ними. Мы можемъ достигнуть этого, только увеличивая наши силы....»

Пасифизмъ преслѣдуетъ цѣль установленія всеобщаго мира. Но въ чемъ таковой долженъ заключаться? Идетъ ли дѣло о внѣшнемъ мирѣ или также и о внутреннемъ мирѣ въ предѣлахъ государствъ? Казалось бы, что имъ нужно было заботиться и о томъ, и о другомъ, такъ какъ въ основѣ ихъ теорій должно быть заложено стремленіе къ счастью всего человѣчества. Къ чему служили бы миролюбивыя отношенія между государствами, если внутри они будутъ раздираться отъ междоусобицъ!

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, пасифисты преисполнены необъяснимой снисходительностью къ ужасамъ внутреннихъ потрясеній, къ класовой борьбѣ, къ гражданской войнѣ. Ихъ усилія ограничиваются установленіемъ внѣшняго мира; войны между государствами составляютъ главную ихъ заботу. Поэтому пасифизмъ не такъ выражаетъ собою любовь къ миру, какъ страхъ передъ войною.

Авторъ обѣщаетъ далѣе въ своемъ изслѣдованіи подробно рассмотреть связь войны съ ходомъ историческаго развитія человѣчества и выяснитъ, можно ли совершенно уничтожить войну при нынѣшнемъ положеніи вещей на свѣтѣ. Преслѣдуютъ ли пасифисты цѣль, логически вытекающую изъ жизни народовъ, или ихъ стремленія не болѣе, какъ порывъ къ недостижимому идеалу....

²⁾ Vom heutigen Krieg, 1912.

Можно рекомендовать цѣлый рядъ интересныхъ статей по вопросамъ артиллерійской техники и по стрѣльбѣ вообще въ послѣднихъ (январскихъ) выпускахъ:

«*Artilleristische Monatshefte*», редактируемыми извѣстнымъ нѣмецкимъ генераль-лейтенантомъ Rohne (Берлинъ), и «*Mitteilungen über Gegenstände des Artillerie—und Geniewesens*».

С. Добродольскій.

«Rivista militare italiana» 1911 г. Октябрь.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Замѣтки для изученія Русско-японской войны» авторъ Enrico Caviglia излагаетъ:

По основнымъ японскимъ законамъ императору принадлежитъ верховное командованіе сухопутными и морскими силами. Онъ устанавливаетъ организацію этихъ силъ въ мирное время; объявляетъ войну; заключаетъ миръ и договоры; объявляетъ осадное положеніе.

Вручая императору командованіе вооруженными силами страны, японскіе основные законы послѣдовали примѣру Запада и стали въ противорѣчіе съ многовѣковыми идеалами и обычаями народа, въ представленіи котораго божественная власть императора не можетъ снизойти до власти исполнительной, не уронивъ своего достоинства. Подражаніемъ западнымъ обыкновеніямъ является также служба въ войскахъ всѣхъ принцевъ императорской крови; хотя, съ другой стороны, это имѣетъ и очень важное политическое значеніе, указывая народу на готовность особъ императорскаго дома идти навстрѣчу случайностямъ войны и ставя командованіе войсками выше всякаго другого осуществленія исполнительной власти.

Какъ главный начальникъ вооруженныхъ силъ, императоръ окруженъ штатомъ маршаловъ (*ghensuifu*), въ составъ котораго входятъ генералы и адмиралы, получившіе отъ императора титулъ *ghensui*. Этотъ штатъ учрежденъ въ 1898 году; нѣсколько раньше объявленія намъ войны въ составъ его вошли генералы Ямагата, Ояма и Нодзу и адмиралъ Ито. Онъ не представляетъ ни учрежденія исполнительнаго, ни совѣщательнаго, и функціи его не поддаются опредѣленію; наличность его находить себѣ, повидимому, объясненіе въ необходимости окружить священную особу императора людьми, заслужившими такую честь путемъ особыхъ заслугъ отечеству. Вознагражденіе такихъ заслугъ имѣетъ глубокіе корни въ идеалахъ и обычаяхъ японскаго народа, окружающаго и въ семейномъ быту большимъ почетомъ главу семейства, достигшаго глубокой старости и удалившагося отъ дѣлъ. Общія собранія *ghensuifu* очень рѣдки; члены его получаютъ иногда отъ императора особыя порученія по инспектированію частей арміи и флота.

Въ декабрѣ 1903 года учрежденъ верховный военный совѣтъ (gungi-sangi-in), предназначенный также для разрѣшенія при участіи императора, принимающаго тогда временное предсѣдательство, военныхъ вопросовъ особой важности. Членами этого совѣта были назначены члены gheusuifu, а также министры военный и морской, начальники штабовъ сухопутныхъ и морскихъ силъ и генераль-инспекторъ образованія и воспитанія войскъ. Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи этого совѣта слѣдуетъ признать одною изъ первыхъ мѣръ подготовки къ войнѣ съ нами. Оно совпадаетъ по времени съ рѣшеніемъ покупки крейсеровъ Nishin и Kassuga и совмѣстно съ нѣкоторыми финансовыми распоряженіями можетъ указать срокъ, когда японцы окончательно рѣшили объявить намъ войну.

Одновременно съ объявленіемъ намъ войны верховный военный совѣтъ былъ переформированъ въ императорскую главную квартиру (Sengi-dai-hon-ci), а бывший предсѣдатель совѣта, генераль Ямагата, принявъ должность начальника главнаго императорскаго штаба. Начальникъ штаба сухопутныхъ войскъ, генераль Ояма, былъ назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміей, а бывший его помощникъ, генераль лейтенантъ Кодама, начальникомъ штаба дѣйствующей арміи. Адмиралъ Ито остался въ главной квартирѣ, какъ начальникъ штаба морскихъ силъ; флотъ поступилъ полностью подъ команду адмирала Того.

Ямагата былъ уже съ 1898 года главнымъ политическимъ лицомъ имперіи и стоялъ во главѣ артистократической военной партіи, подготовившей страну къ войнѣ съ нами, отстранивъ маркиза Ито. Ямагатѣ принадлежало въ дѣйствительности главное руководство всѣми операціями на сушѣ и на морѣ, и онъ же продолжалъ руководить косвеннымъ путемъ внѣшнею и внутреннею политикою государства. Къ нему сходились всѣ донесенія, свѣдѣнія и предположенія и онъ объединялъ и направлялъ къ общей цѣли сухопутныя и морскія операціи ¹⁾.

Раздѣленіе и большое разстояніе между императорскою главною квартирою, руководившею операціями изъ Токио, и главною квартирою дѣйствующей арміи не оказывали вреднаго вліянія на успѣхъ японскаго оружія, и продолжительные періоды бездѣйствія, отдѣлявшіе одинъ отъ другого періоды боевой дѣятельности, не были послѣдствіемъ только раздѣленія упомянутыхъ органовъ, но и всей сово-

¹⁾ Затѣмъ авторъ даетъ довольно подробныя свѣдѣнія о происхожденіи, службѣ и характерѣ Ямагаты, Ито, Того и Оямы. Для характеристики послѣдняго онъ рассказываетъ такой случай: Наша атака на лѣвый флангъ японцевъ 26-го января 1905 года была для нихъ совершенно неожиданна и грозила главной квартирѣ Оямы. Чины его штаба совершенно растерялись и, не видя причинъ, почему атака могла бы остановиться, докладывали ему, что гибель неизбежна. „Доложите мнѣ, что будетъ черезъ три часа“, спокойно отвѣчалъ Ояма.

купности причинъ, имѣющихъ корни въ общемъ представленіи японцевъ о войнѣ, бояхъ и ихъ подготовкѣ.

Далѣе авторъ переходитъ къ національнымъ особенностямъ японскаго народа, имѣвшимъ вліяніе на функціонированіе этого управленія.

Японецъ характеризуется способностью сосредоточивать все свое вниманіе полностью на одномъ какомъ нибудь предметѣ и настойчиво останавливаться на немъ въ теченіе долгаго времени. По самой природѣ своей японцы не эклектики, а спеціалисты; они достигли совершенства въ умѣніи распредѣлять и организовать дѣло; совокупнымъ участіемъ въ работѣ многихъ лицъ возмѣщается присущій японцу недостатокъ разносторонности ума и широты идей и взглядовъ. Они раздѣляютъ работу на части и категоріи; возлагаютъ тѣ или другія операціи всегда на однихъ и тѣхъ же лицъ; сохраняютъ въ послѣдовательныхъ операціяхъ постоянно одинъ и тотъ же порядокъ; идя въ своихъ улучшеніяхъ медленно и постепенно, они доводятъ частности до рѣдкой степени совершенства.

Иностраннымъ военнымъ агентамъ при японской арміи часто приходилось слышать отъ командировъ полковъ, что они собирали къ себѣ, передъ рѣшительнымъ ударомъ, командировъ баталіоновъ и выслушивали ихъ мнѣнія, а командиры бригадъ собирали съ тою же цѣлью командировъ полковъ. Подобно этому и къ Ямагатѣ поступалъ сводъ трудовъ всѣхъ его подчиненныхъ; коллективный умъ и воля готовили все необходимое для окончательнаго рѣшенія, и руководителю оставалось только постановить это рѣшеніе и дать, какъ выше сказано, различнымъ дѣйствіямъ и усиліямъ общую окончательную цѣль и единство.

Значеніе личности у японцевъ сравнительно не велико, и на операціяхъ послѣдней войны нѣтъ возможности различить отпечатка индивидуальности того или другого лица. Нѣтъ ни одной черты, которая бы носила на себѣ слѣды дарованія, сколько нибудь выдающагося.

Капитанъ генеральнаго штаба E. de Vecchi описываетъ нижеслѣдующій «Военный эпизодъ 1814 года», отгѣсненный на задній планъ крупными военными событіями того періода и совершенно среди нихъ забытый.

Хотя уже вслѣдъ за Лейпцигскимъ сраженіемъ король Іоакимъ высказывалъ, что дѣло Наполеона проиграно, но ничто еще въ то время не указывало на его намѣреніе стать въ число враговъ императора. Дипломатическія сношенія между имперіей и Неаполитанскимъ королевствомъ продолжались, и неаполитанскія войска въ составѣ трехъ дивизій и королевской гвардіи, вошедшія въ концѣ 1813 и началѣ 1814 годовъ въ предѣлы Романскихъ Штатовъ (Stati Romani), считались прибывшими на усиленіе арміи принца Евгенія.

Крѣпость Анкона и соответственная провинція входили тогда въ районъ расположенія 5 французской дивизіи, и начальникъ ея, генераль Вагбоу, слѣдуя полученнымъ распоряженіямъ, принялъ прибывшія въ его районъ неаполитанскія войска вполнѣ дружественно и расположилъ часть ихъ внутри ограды этой крѣпости. Очень скоро, однако, заносчивость гостей и появившіяся пѣсни и стихотворенія, восхвалявшія короля Іоахима, какъ освободителя Італіи, возбудили подозрѣніе Барбу; онъ привелъ цитадель крѣпости въ готовность къ оборонѣ и принялъ всѣ мѣры противъ овладѣнія ею неаполитанцами. Просьбу объ отводѣ имъ для жительства казармъ, расположенныхъ близъ цитадели и укрѣпленнаго лагеря, Барбу оставилъ безъ удовлетворенія; онъ сосредоточилъ въ этихъ укрѣпленіяхъ склады продовольственныхъ запасовъ и распорядился производствомъ различныхъ оборонительныхъ работъ.

Верки крѣпости состояли тогда изъ цитадели, люнета Santo Stefano и примыкавшаго къ нимъ укрѣпленнаго лагеря, составлявшихъ одну сплошную группу, и расположенныхъ отдѣльно къ востоку отъ послѣдней: форта Капуциновъ и укрѣпленія М. Cardeto. Крѣпостного гарнизона было 1500 человекъ, и онъ весь сосредоточивался въ названной укрѣпленной группѣ. Квартировало неаполитанскихъ войскъ подъ начальствомъ Макдональда 4000 человекъ. По соглашенію Барбу съ Макдональдомъ враждебныя дѣйствія могли начаться не раньше, какъ по истеченіи 24-хъ часовъ послѣ извѣщенія тою или другою стороною противника о послѣдовавшемъ объявленіи войны.

16-го января, въ 5 часовъ пополудни, Макдональдъ лично явился къ Барбу съ такимъ извѣщеніемъ, а нѣсколько времени спустя письменно потребовалъ сдачи крѣпости. Барбу отвѣтилъ безусловнымъ отказомъ.

Затѣмъ противники договорились, что впредь до новаго извѣщенія той или другой стороны Барбу не будетъ бомбардировать Авконы, а Макдональдъ не поведетъ атаки на обращенный къ ней фронтъ цитадели и не будетъ его обстрѣливать. Такое ограниченіе продолжалось, однако, не долго. 20-го января Макдональдъ увѣдомилъ Барбу, что осада не можетъ отказаться отъ выгодъ обстрѣливанія цитадели съ фронта Капуциновъ и съ М. Cardeto; Барбу на это отвѣтилъ, что и оборона воспользуется возможностью и выгодами бомбардированія города. На сдѣланное тутъ же новое предложеніе сдачи и указаніе политическихъ ея выгодъ Барбу далъ знать, что «выборъ между лабиринтомъ политическихъ комбинацій и путемъ чести сомнительнымъ быть не можетъ». 30-го января пальба сухопутныхъ и береговыхъ батарей возвѣстила прибытіе неаполитанскаго короля, двукратная попытка котораго склонить Барбу къ сдачѣ также не имѣла успѣха. Было лишь заключено перемиріе: на 12 дней, но и

оно могло быть обороною нарушено въ случаѣ прибытія помощи извнѣ.

Изъ полученныхъ затѣмъ 10-го февраля свѣдѣній для Барбу было ясно, что наличные продовольственные припасы истощатся въ крѣпости раньше прибытія помощи. Вылазка 12-го февраля для сбора такихъ припасовъ окончилась неудачею. На другой день утромъ осаждающій началъ общую бомбардировку, которая продолжалась 13-го и 14-го февраля и привела крѣпость въ состояніе, не допускавшее возможности дальнѣйшей обороны. Барбу долженъ былъ самъ начать переговоры о сдачѣ и 15-го февраля 1814 года условія капитуляціи были подписаны Барбу и Макдональдомъ. 18-го февраля гарнизонъ вышелъ изъ крѣпости со всѣми военными почестями.

Кромѣ того въ октябрьскомъ выпускѣ помѣщены статьи:

Капитана Ettore Grasselli «Главные особенности военного искусства».

Капитана E. Barbarich «Военное описаніе низины dell'Aniena».

Giuseppe Stica «Начала итальянской военной литературы».

Капитана Carbone Vincenzo «О нравственной связи войскъ въ бою».

Генераль-лейтенанта Stevani Francesco «Самокатчики и конница въ будущей войнѣ».

Полковника Matziale Bianchi d'Adda «Новый уставъ упражненій конницы».

Paolo Pagliano «О военно-санитарной службѣ въ колоніяхъ».

Продолженіе и окончаніе статей A. Dell'Oro Hermil, Cristinziano Caserta и C. Licomati.

В. Н.

